

СУДАРИКОВ А. М.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (Л. П. БЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА РУКОВОДИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВПК)

Одна из задач современной российской военно-исторической науки – объективное, всестороннее изучение реалий советского прошлого, всего того, что до сих пор известно лишь фрагментарно – в силу секретности или по идеологическим причинам. Особое внимание ученых и общественности привлекает феномен «холодной войны» и деятельность лидеров той эпохи. Данная статья посвящена одной из ключевых фигур советского времени в послевоенный период – Лаврентию Павловичу Берии. Цель данной работы – осветить малоизвестные страницы истории организации и управления советской наукой, непосредственно связанной с военно-промышленным комплексом и выявить его вклад в укрепление обороноспособности Советского Союза.

Поток литературы о Берии не иссякает до сих пор. Как правило, на протяжении 50 лет его имя ассоциируется в общественном сознании с негативными процессами: произволом, беззаконием органов внутренних дел и госбезопасности, массовыми репрессиями, личным аморализмом. На Июньском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС был создан образ Берии как властолюбца и карьериста, развратника и интригана, палача и агента международного империализма [1]. В последние десятилетия появились работы, где Берия «чудесным образом» превращается в предтечу перестройки, предвестника будущих реформ в СССР [2].

Крупные свершения советской эпохи породили и немалое зло; Берия и другие деятели СССР,

как в зеркале, отражали в своих личностях противоречия эпохи. Берия был неоднозначной фигурой – деструктивные мотивации соединялись в нем с объективными успехами в политической и организаторской сфере. Именно он особо выделяется среди советских руководителей, оказавших большое влияние на развитие отечественной военной техники и технологий. Сохранилось много позитивных высказываний известных ученых страны о многогранной и успешной деятельности этого

лидера, о его организаторских талантах. Кроме того, после смерти И. В. Сталина программа гонки вооружений неожиданно дополняется программой Берии по снижению международной напряженности. Современные публикации недоступных ранее документов и воспоминаний ученых, работавших под руководством Берии, позволяют более объективно оценить роль этого лидера в истории «холодной войны» и развитии отечественного оборонного комплекса [1, 3, 8].

Руководство советским военно-промышленным комплексом требовало особого внимания и организаторского таланта, выдвижения успешных «советских менеджеров». Научные исследования по некоторым программам (атомный проект, ракетная программа, развитие радиолокации) в середине XX века приняли такой размах, приобрели такое значение, что от них стали зависеть судьбы мира, народов и государств. Такие исследования требовали колоссальных затрат, координации работы НИИ, предприятий, целых отраслей хозяйства на государственном уровне. От решения высших должностных лиц государства в научной и организационной сфере стало зависеть очень многое. Именно на этом поприще блестяще проявился организаторский талант Берии. Он проявил железное упорство, изобретательность, настойчивость в достижении поставленной цели, недюжинные управленческие способности, но при этом – как «кровавый прагматик» [28] – полное отсутствие регуляторов морально-нравственного характера, политический макиавеллизм, раболепие перед высшей властью... Рассмотрим далее такие аспекты деятельности Берии как руководство атомным проектом, развитие ракетной техники и ПВО, разрядка международной напряженности в послевоенные годы.

Благодаря личным качествам и энергии Берия оказался наиболее подходящим среди членов Политбюро на роль главного администратора атомного проекта СССР. По мнению академика А. М. Петросьянца, Берия был среди руководителей страны наиболее подготовленным в вопросах развития оборонной техники и научно-технической политики. Именно к нему стекалась вся разведывательная информация о зарубежных разработках атомной бомбы; в его ведении были несколько НИИ и КБ в сфере ВПК, десятки промышленных объектов различного профиля, тысячи заключенных. Постановлением ГОКО № 9887 «О специальном комитете при ГКО» (пункт 13) на Берию возлагались следующие обязанности:

«Поручить т. Берии принять меры к организации закордонной разведывательной работы по более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки» [6].

Когда атомный проект перешел под руководство Берии, все связанные с ним работы приобрели необходимый размах и небывалый динамизм. Приведем отзывы о руководителе атомного проекта:

- Академик А. М. Петросьянец: «...Он обладал огромной энергией и работоспособностью, был организатором, умеющим доводить начатое им дело до конца» [7, с. 197];
- Академик Ю. Б. Харитон: «Может быть, покажется парадоксальным, но Берия, не стеснявшийся проявлять порой откровенное хамство, умел по обстоятельствам быть вежливым, тактичным и просто нормальным человеком» [8, с. 183];
- Н. Риль (немецкий специалист по металлургии урана, вывезенный в СССР и получивший за работу в атомном проекте высокие правительственные награды) отмечал очень хорошее впечатление от встреч с А. П. Берией [9, с. 129-135];
- Профессор И. И. Головин (заместитель И. В. Курчатова), представляя Берию демоническим злодеем, тем не менее, замечал: «Берия был прекрасным организатором – энергичным и въедливым. Если он, например, брал на ночь бумаги, то к утру документы возвращались с резонными замечаниями и дельными предложениями. Он хорошо разбирался в людях, все проверял лично, и скрыть от него промахи было невозможно» [10];
- Академик Ю. Б. Харитон о стиле работы Берии: «Проводившиеся им совещания были деловыми, всегда результативными и никогда не затягивались. Он был мастером неожиданных и нестандартных решений» [8, с. 183];
- Академик М. А. Садовский (один из ведущих разработчиков советского атомного проекта), напротив, рассказал о совсем ином по духу совещании, когда в кремлевском кабинете Берии обсуждалась подготовка полигона к первому термоядерному взрыву: «Берия, распаясь, вдруг начал высказывать недовольство,

обрывать и менять докладывавших ему людей, задавать странные вопросы. Наконец, он совершенно вышел из себя и почти выкрикнул: «Я сам расскажу!». Постепенно из его бурного монолога стало выясняться: он хочет, чтобы на полигоне взрывом было уничтожено все. Чтобы было страшно» [8, с. 184].

Таким образом, большинство воспоминаний ученых доносит до нас образ Берии как энергичного, требовательного, деловитого и знающего руководителя. В период работы над атомным проектом между его руководителем и подчиненными случались и конфликты, в понимании целей и задач работы ярко проявлял себя «человеческий фактор». Характерен случай с П. А. Капицей, принимавшем на первых порах участие в работе Особого Комитета и Технического Совета по атомной бомбе. Ученый в письме к Сталину резко отрицательно отозвался о методах работы Берии, Маленкова и Вознесенского [11]. Через две недели Капицу освободили от работы над атомной бомбой, при этом оставив на всех его академических должностях. Этот конфликт породил две легенды: 1) Берия был столь доволен уходом «строптивного» Капицы из атомного проекта, что приехал в Институт физических проблем и «даже привез с собой великолепный подарок Капице – богато инкрустированную тульскую двустволку» [12, с. 247]; 2) Берия просил, но не получил у Сталина санкцию на арест Капицы.

Ж. А. Медведев считал обе легенды маловероятными: «Берия был очень злопамятным и самолюбивым человеком. Зная о себе мнение Капицы, он вряд ли мог искать его расположения уникальным подарком. С другой стороны, Берия также понимал, что и арест Капицы не в его деловых интересах... Арест Капицы, имевшего огромный моральный и научный авторитет среди физиков всего мира, мог дискредитировать советское руководство и отразиться на эффективности разведки» [13, с. 175]. Отметим, что в данном конфликте обе стороны были по-своему правы, мнение ученого столкнулось с мнением политика-руководителя. Капица не хотел повторять сделанную другими работу, а Берия, обладая всеми разведанными и зная в 1945 г. о бомбе больше ученого, не мог разглашать секретные сведения.

Работая над атомным проектом, Берия развил неутомимую деятельность. В Дубне, во время создания Объединенного института ядерных исследований, он лично вникал во все детали, начиная с проекта и заканчивая городским озеленением,

следил за тем, как монтируется синхротрон международного научного центра. Берия учитывал даже мелкие бытовые проблемы, способные отвлечь от работы или расстроить ученых; учитывалось абсолютно все, в чем нуждались напряженно работающие люди на таком важном объекте; при этом соблюдалась строжайшая секретность.

По воспоминаниям современников, Берия не пропускал закладки заводов, успевал к началу пуска налаженных работ, присутствовал на всех испытаниях, иногда лично возглавлял правительственную комиссию, был поразительно мобилен на строительстве новых научных и производственных объектов. «Он лично выбирал площадки для будущих заводов, лабораторий, жилых поселков, следил за ходом работ. Энергия и напор, проявленные им в неустанных атомных хлопотах, вызывали удивление современников. Сам Курчатов, его заместители и помощники, не раз говорили, что без участия Лаврентия Павловича добиться успеха в столь сжатые сроки не удалось бы» [14, с. 389].

О личных контактах с людьми этого выдающегося организатора, знатока психологии, остались воспоминания, в том числе и позитивного характера. А. В. Антонов-Овсеев, к примеру, писал о деятельности Берии в атомном проекте: «Надо признать, что Берия лично, за редким исключением, не пользовался рычагами устрашения. Ученых-атомщиков он привлекал сказочными по тем временам материальными благами и, что для многих специалистов было главным, перспективной исследовательской работой в новых лабораториях на переднем крае науки. Свои предложения Берия подкреплял обещанием тройных, десятикратных окладов, предоставлением прекрасных квартир, особняков, курортного лечения...» [14, с. 386-387].

А. П. Берия находил время для личных бесед с людьми, чем-то заинтересовавшими его, даже если они не обладали высоким официальным статусом и титулами. Например, он встречался с А. Д. Сахаровым (тогда еще кандидатом физико-математических наук), а также с О. А. Лаврентьевым, неоспоримая роль которого заключается в обосновании идеи создания литиево-водородной бомбы (в 1950 г. он, находясь на срочной службе на Сахалине, отправил свою статью секретной почтой в Отдел тяжелого машиностроения ЦК ВКПб) и первоначальном инициировании работ по управляемому термоядерному синтезу [15, с. 206].

Олег Александрович Лаврентьев (1936-2011)

По воспоминаниям, стиль работы Берии не всегда был запугивающим, хотя всегда довольно жестким. Письменные распоряжения выглядели вполне деловитыми, культурными и конструктивными. Короткие, выразительные резолюции, как правило, содержали конкретные задания тем или иным исполнителям, с установлением четких сроков выполнения (обычно 5 или 10 дней) [29, с. 226].

Атомный проект при Берии превращался в «государство в государстве», где процесс управления не контролировался обычными государственными органами. В этом почти автономном «государстве» Берия и его помощники господствовали, опираясь на мощные органы госбезопасности. «Спецкомитет № 1» и подчиненные ему структуры играли важнейшую роль в обеспечении военной безопасности Советского Союза, непосредственно связанной с гонкой вооружений как важнейшей составляющей «холодной войны». Мнение Берии, вплоть до его ареста, оставалось решающим в управлении атомным проектом. После ареста в руководстве атомной программой возникла паника, никто не знал, что делать дальше – таковы свидетельства участников тех роковых событий [29, с. 227]. На рубеже 1940-50-х гг. политическому и военному руководству СССР пришлось делать серьезный выбор между двумя видами оружия ПВО – зенитной артиллерией и управляемыми зенитными ракетами. Требовалось оценить, какое из них будет наиболее эффективно для предотвращения налета самолетов-носителей ядерного оружия на важнейшие центры страны. Сторонники традиционных артиллерийских методов борьбы с воздушными целями вступили в ожесточенное противоборство мнений с идеологами управляемого оружия. Но технико-экономиче-

ский анализ и сама логика вооруженной борьбы показывали, что перспектива, скорее, за управляемым ракетным оружием. Так началась напряженная работа в этом направлении. Был создан Комитет по радиолокации при Совете Министров СССР (Спецкомитет № 3), целью которого стало объединение широкого спектра научно-технических и производственных объектов – НИИ, КБ, промышленных предприятий, реализующих программу создания управляемого ракетного оружия [27, с. 173]. При Комитете создали Центральный НИИ радиолокации и Бюро новой техники. Пять институтов и 19 конструкторских бюро различных министерств (промышленности, средств связи, вооружения, авиапромышленности, сельскохозяйственного машиностроения) были переведены на радиолокационную тематику [4, с. 254-255]. Создание и освоение новой техники тормозилось массой трудностей производственного, научно-технического и организационного характера, возникающих в силу ведомственной разобщенности организаций радиоэлектронной отрасли и отсутствия специального органа оперативного управления [22, с. 126-127].

У истоков создания систем противовоздушной обороны стоял Павел Николаевич Куксенко – доктор технических наук, профессор, генерал-майор инженерно-технической службы, дважды лауреат Сталинских премий. Он был главным конструктором первой отечественной системы «Комета», (она состояла из самолета-носителя и запускаемого с него управляемого по радио самолета-снаряда на морскую цель) и системы ПВО «Беркут». Вел разработки средств поражения управляемого ракетного оружия класса «воздух-море», «воздух-земля», «берег-море».

Павел Николаевич Куксенко

Летом 1950 г. П. Н. Куксенко был вызван к Сталину. Речь шла о необходимости создании в СССР новой системы ПВО, способной отражать два типа массированного налета самолетов противника – «звездного» (одновременно с разных сторон) и «таранного» (с одного направления). Не пропустить ни одного самолета к обороняемому объекту даже при массированном налете – так была поставлена задача [23, с. 196-198]. Берия принимал активное участие в реализации данного проекта. Постановление Совета Министров СССР о создании системы ПВО Москвы выходит 9 августа 1950 г. В соответствии с Постановлением Совмина и приказом Министра вооружения Д. Ф. Устинова Специальное бюро-12 августа 1950 г. переименовано в КБ-1 (Конструкторское бюро – 1) [24]. Тогда же, в августе 1950 г., в аппарате Берии образовано специальное управления для координации работ по системе «Беркут». 3 февраля 1951 г. из-за большого объема работ создается ТГУ (Третье главное управление), которое также переходит в непосредственное подчинение Берии. Перед ТГУ ставится задача создания системы ПВО; управление стало косвенным преемником Комитета по радиолокации (Спецкомитета № 3). Так в советском ВПК появилось «дело № 3» [27, с. 173]. ТГУ возглавил заместитель министра вооружения СССР В. М. Рябиков, опытный руководитель оборонной промышленности; научным руководителем управления стал А. Н. Щукин – академик АН СССР, радиотехник, радиофизик, автор трудов по теории и методам расчета дальней коротковолновой связи.

Очередная реорганизация работы правительства осуществлялась постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «Вопросы Совета Министров СССР» от 15 марта 1951 г. Любопытно, что в первоначальный текст рукой И. В. Сталина внесен пункт № 4, который гласил: «Товарища Берия обязать половину своего рабочего времени отдавать делу № 1, № 2, № 3» [21]. Дело № 1 означало овладение атомной энергией и создание атомной бомбы, дело № 2 – разработку и производство ракетной техники, дело № 3 – развертывание системы противовоздушной обороны Москвы [26, с. 36]. Были сформулированы 4 основных принципа построения системы ПВО:

1. Она должна быть круговой и эшелонированной в виде колец – ближнего и дальнего вокруг Москвы с нарастающей к центру эффективностью.
2. Кольца должны создаваться из однотипных технических средств, размещенных на позициях и обеспечивающих непрерывный контроль всего воздушного пространства вокруг Москвы, независимо от метеорологических условий и времени суток.
3. Поражение воздушных целей должно осуществляться управляемыми зенитными ракетами.
4. Между позициями и центральным пунктом ПВО должна быть обеспечена надежная резервированная связь. Радиотехнические средства должны составлять основу непрерывного контроля воздушного пространства и управления оружием.

Василий Михайлович Рябиков

Александр Николаевич Щукин

Ввиду тревожной военно-политической обстановки той эпохи от правительства СССР требовалась быстрая разработка и реализация четкой комплексной программы создания и введения в строй новой системы ПВО; необходима была эффективная кооперация разработчиков и исполнителей элементов этой системы. Уже в 1951 г. начинается этап изготовления опытных образцов технических средств системы «Беркут»; эти образцы оперативно устанавливались на полигонах для стыковки и отработки испытаний. Можно отметить четкую организацию работ и их исполнения в максимально сжатые сроки. Хроника этапов работы такова:

- ноябрь 1952 г. – первый пуск ракеты Б-300 по имитируемой цели в замкнутом контуре наведения;
- 1952 г. – для проведения испытаний по самолету-бомбардировщику был создан специально оборудованный для дистанционного беспилотного управления самолет ТУ-4; он запускался в полет как мишень для системы «Беркут»;
- 26 апреля 1953 г. была сбита первая такая реальная цель;
- май 1953 г. – успешно завершён первый этап программы стрельбовых испытаний по реальным радиоуправляемым самолетам [25, с. 496].

Таким образом, Берия был единственным членом Политбюро, хорошо разбиравшимся в комплексе проблем военной науки, техники, организации (атомное и ракетное оружие, радиолокация), лично участвовавшим в испытаниях атомного оружия. По некоторым сведениям он получил лучевую болезнь, как и некоторые другие участники испытаний. Это наложило определенный отпечаток на видение Берией проблем внешней политики, гонки вооружений, «холодной войны», разрядки международной напряженности.

Понимая, что противостояние держав в «холодной войне» может привести к ядерной катастрофе, а на гонку вооружений тратятся громадные средства, Берия предпринял ряд соответствующих действий. Он активно выступил за переговоры о перемирии в Корейской войне, выдвинул идею объединения Западной и Восточной Германии, завязал контакты для урегулирования советско-югославских отношений, попытался снизить напряженность в Венгрии.

а) Советско-германские отношения. Берия знал положение дел в Восточной Германии лучше других советских руководителей,

т. к. часто посещал страну (там располагалось крупнейшее предприятие по добыче урана для советской атомной программы – «Висмут»); знал недовольство восточных немцев положением дел в стране, способное вылиться в восстание. В связи с этим «коллективное руководство» СССР «посоветовало» вождям ГДР В. Ульбрихту и В. Пику снизить темпы индустриализации и коллективизации. На основании радикальных предложений Берии 18 мая 1953 г. был подготовлен проект постановления Президиума Совета Министров СССР «Вопросы ГДР» [20, с. 234], в котором предлагалось: (1) отказаться от социалистического курса ГДР и от создания там колхозов; (2) пересмотреть мероприятия вождей ГДР по вытеснению элементов капитализма из торговли, промышленности, сельского хозяйства – и даже отменить их. Секретные инициативы Берии, в случае их реализации могли бы резко снизить напряженность отношений СССР и Запада, снять необходимость размещения Западной группы войск в ГДР и строительства Берлинской стены. По меркам постсоветского времени, предложения «советского бонзы» Берии выглядят фантастическими: объединить Германию, вывести отсюда все войска – западные и советские, создать нейтральное буферное государство, дружественное СССР, вроде Австрии или Финляндии.

б) Советско-венгерские отношения. Как и в некоторых других государствах социалистического лагеря, венгерским руководством неудачно проводился курс страны на социализм, индустриализацию и коллективизацию. В результате уровень жизни населения Венгрии резко снизился, крестьянство разорилось, ухудшилось продовольственное положение. В стране сложилась опасная ситуация, и по приглашению СССР 12 июня 1953 г. венгерская партийная делегация встретилась с членами Президиума ЦК КПСС. По сути, встречу вел Берия, и выполнение его рекомендаций могло бы снять остроту положения Венгрии и предотвратить восстание 1956 г. На встрече особым нападкам подвергся Первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся и Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики Матьяш Ракоши. Предлагалось разделить высшие партийные и государственные посты; Берия настаивал на том, чтобы Ракоши остался на посту главы Венгерской партии трудящихся, а Имре Надь (венгр по национальности, секретный осведомитель НКВД) стал бы премьер-министром (получалось, что министерский пост котировался выше партийного)

[30, с. 8-10]. Но предложенные Берией меры не были реализованы – и ситуация в Венгрии не улучшилась.

в) Советско-югославские отношения. «Коллективное руководство» единодушно хотело преодолеть острый конфликт с властями Югославии, доставшийся в наследство от Сталина, снять напряжение в отношениях двух стран. Инициативный Берия попытался восстановить прямые контакты по линии ЦК с Югославией. Уже после его ареста обнаружили письмо А. Ранковичу (министру внутренних дел Югославии, ближайшему сотруднику И. Б. Тито). Это письмо, по плану Берии, должен был передать в Белграде Ранковичу представитель МВД в Югославии; данный план обнародовал Молотов на Пленуме ЦК в июле 1953 г. [1, с. 246]. И хотя советско-югославские отношения требовали скорейшей нормализации, коллег Берии не устроил предложенный этим инициативным политиком ускоренный вариант действий.

Получивший после смерти Сталина огромную власть, а также подтвердивший успешной деятельностью свое место в советской властной иерархии, Берия в 1953 г. становится практически неуязвимым политиком и организатором, возможным единоличным лидером страны. Уже в конце 40-х гг. Берия, курируя и ракетную программу, становится фактически руководителем создания ракетно-ядерного щита СССР. 26 января 1953 г., на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС он, вместе с Г. М. Маленковым и Н. А. Булганиным, вошел в «тройку» по наблюдению за «специальными работами» и был назначен ее руководителем [17, с. 101]. В руках Берии сосредоточилось руководство всеми крупнейшими программами ВПК СССР. В мае-июне 1953 г. только Берия в мельчайших деталях и подробностях знал, что происходит на двух сверхсекретных полигонах – под Сталинградом, в Капустном Яру (там продолжались испытания стратегических ракет Р-5 и Р-11 КБ С. П. Королёва) и под Семипалатинском (там готовились к испытанию первого варианта советской водородной бомбы – «Слойки»). Как отмечает Ю. Н. Жуков, «осуществление обоих проектов делало СССР не только неуязвимым, как тогда полагали все военные и большинство политиков, но и позволило стране вернуть былое положение сверхдержавы» [18, с. 632-633]. Конечно же, в исключительное положение среди руководства страны попадал и властный куратор ВПК. Невероятный объем власти, явное лидерство, разнообразная и кипучая дея-

тельность Берии в этот период, его властные амбиции и сама его личность, конечно же, задевала интересы многих обитателей советского «политического Олимпа». Участие Лаврентия Павловича в разработке ракетно-ядерного оружия, новейших систем ПВО, а также реформы в структуре и роли родов войск Советской Армии не вызывали энтузиазма у генералитета. Именно накануне успешных испытаний коллеги Берии по руководству СССР во главе Г. М. Маленковым и Н. С. Хрущевым арестовали его [19]. Активная внешнеполитическая позиция Берии также вызвала раздражение Маленкова как главы правительства, Молотова как влиятельного министра иностранных дел и Хрущева.

Тем не менее, при всем «демонизме», аморализме этого советского государственного деятеля, необходимо отметить и несомненные заслуги Берии в укреплении обороноспособности страны. Эффективное осуществление атомного, ракетного, радиолокационного проектов было связано с умелой организацией работ, правильным подбором кадров, созданием системы их жизнеобеспечения, интенсивным сбором зарубежной информации по оборонной тематике, а также его выдающимися организационно-управленческими способностями. Признавая личный вклад Берии, современный человек понимает и «темную сторону» успешности советского лидера (карьеризм, безнравственность, макиавеллизм) и советского государства (идеологизацию сознания людей, централизацию управления, насилие, бюрократизм, неограниченное использование материальных и людских ресурсов, включая тысячи заключенных ГУЛАГа). Конечно же, «кровавый прагматик» Берия – это «сколок» той противоречивой и героической эпохи, типичный продукт партийно-государственной номенклатуры времен сталинского государственно-бюрократического социализма. До марта 1953 г. Берия являлся ключевой фигурой советского ВПК, одним из ведущих участников гонки вооружений. Лаврентий Павлович хорошо знал, во что обходится «холодная война» Советскому Союзу. После ухода Сталина из жизни Берия получил огромную власть и большую самостоятельность и использовал открывшиеся возможности для снижения международной напряженности и смягчения «холодной войны». Его деятельность задела интересы влиятельных сил советского истеблишмента. Соратники Берии по коллективному руководству составили против него заговор и уничтожили слишком влиятельного и успешного коллегу.

И последнее. В выписке из «Определения Военной коллегии Верховного суда РФ № бн-00164/2000» от 29 мая 2002 г. было указано: «...Исходя из изложенного, Военная коллегия приходит к выводу, что Берия, Меркулов, Кобулов и Гоглидзе являлись теми руководителями, кто организовал на государственном уровне и лично проводил массовые репрессии в отношении собственного народа. А поэтому Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» распространяться на них, как на виновников террора, не может...

Руководствуясь ст. ст. 8, 9, 10 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», от 18 октября 1991 года и ст. 377-381 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, —

ОПРЕДЕЛИЛА:

Признать Берию Лаврентия Павловича, Меркулова Всеволода Николаевича, Кобулова Богдана Захарьевича, Гоглидзе Сергея Арсеньевича не подлежащими реабилитации...

Председательствующий: А. Уколов. Судьи: Ю. Пархомчук, А. Петроченков» [31].

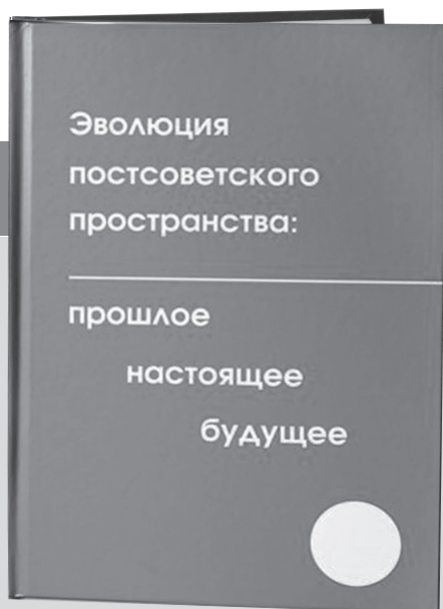
Придет ли то время, когда суд истории рассудит — могут ли великие заслуги перед Отечеством в деле обеспечения ее глобальной безопасности служить весомым аргументом для реабилитации?...

Примечания

1. *Лаврентий Берия*. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. — М.: МФД, 1999.
2. *Рубин Н.* Лаврентий Берия: Миф и реальность. — М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998; Берия С. А. Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994; «Новый курс» Л. П. Берии, 1953 // Исторический архив. — 1996. — № 4; Старков Б. Сто дней «лубянского маршала» // Источник. — 1993. — № 4.
3. Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 тт. / Под ред. Л. Д. Рябева. — Т. II. Атомная бомба. 1945-1954. — Книга 1. — Саров: Наука, 1999.
4. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. — М.: РОССПЭН, 1996.
5. ГА РФ Ф. 9401. Оп.1. Д.513. Л.58-64.
6. РГАСПИ Ф. 644. Оп.2. Д.533. Л.84.
7. Создание первой советской ядерной бомбы / Под ред. В. Н. Михайлова, А. М. Петросьянца и др. — М.: Энергоиздат, 1995.
8. Юлий Борисович Харитон: Путь длиной в век. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
9. Riehl, Nikolaus. 10 Jahre im goldenen Kafig. Erlebnisse beim Aufbau der sowjetischen Uran-industrie. — Stuttgart, 1988.
10. *Головин И. Н.* Кульминация. — М.: ИАЭ им. И. В. Курчатова, 1989.
11. АП РФ. Ф. 3. Оп.47. Д.26. Л.169-177.
12. *Каница, П. А.* Письма о науке. 1930-1980. — М.: Московский рабочий, 1989.
13. *Медведев Ж. А.* Неизвестный Сталин. — М.: Права человека, 2001.
14. *Антонов-Овсеенко А.* Берия. — М.: Изд-во АСТ, 1999.
15. *Сахаров А. Д.* Воспоминания: В 2 т. — Т. 1. — М.: «Права человека», 1996; см. также: Бондаренко Б. Д. Роль О. А. Лаврентьева в постановке вопроса и инициировании исследований по управляемому термоядерному синтезу в СССР // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. № 8. С. 886-894; К истории исследований по управляемому термоядерному синтезу // Там же. С. 902-908.
16. *Соболев Д. А.* Репрессии в советской авиационной промышленности // Вопросы истории естествознания и техники. — 2000. — № 4. — С. 44-58.
17. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953 гг. — М.: РОСПЭН, 2002.
18. *Жуков, Ю. Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. — М.: ТЕРРА, 2000.
19. АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 135-137, Оп. 76. Д. 23. Л. 11-13.
20. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945-1985. — М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1580. Л. 1.
22. *Быстрова И. В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (Вторая половина 40-х — начало 60-х годов). — М.: ИРИ РАН, 2000.
23. *Кисунько Г. В.* Секретная зона: Исповедь генерального конструктора. — М.: Современник, 1996.
24. РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 1369. Л. 37
25. *Реутов А. П.* Радиоэлектронное вооружение / Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. — М.: «Военный Парад», 1999.

26. Судариков А. М., Никифоров А. А. Советское государство и наука военно-промышленного комплекса в послевоенное десятилетие. – СПб.: Изд. ГПА, 2014.
27. Судариков А. М., Скворцов В. Н., Фролов М. И. Роль ленинградских ученых в создании военно-промышленного комплекса в 1945-1955 гг. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010.
28. Лурье А. Я., Маляров А. И. Лаврентий Берия. Кровавый прагматик. – СПб.: БХВ - Петербург, 2015.
29. Быстрова И. В. «Холодная война 1945-1960 гг. Токио-Москва-Вашингтон». – М.: ЗАО ИДЭЛ, 2009.
30. «Людям свойственно ошибаться»: Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. – 1998. - № 3. – С. 3-10.
31. Источник: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/146999/62/Sever_-_Marshal_s_Lubyanki._Beriya_i_NKVD_v_gody_voiiny.html

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. Хрестоматия. М.: РСМД, 2017

В начале 2017 года Российский совет по международным делам опубликовал хрестоматию «Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее». Издание включает в себя 53 статьи российских авторов и экспертов из Армении, Беларуси, Кыргызстана, Украины и других государств бывшего СССР. В работах анализируются основные тенденции развития постсоветского пространства как политико-географического пространства в целом, так и входящих в него государств.

Издание позволит читателю по-новому взглянуть на постсоветское пространство и его неоднородный политико-экономический ландшафт. В хрестоматию включены аналитические статьи, посвященные всем странам бывшего СССР и ряду государств Восточной Европы, а также таким экономической интеграции, военному сотрудничеству и международным конфликтам в регионе.

Издание включает в себя три раздела ретроспективный, актуальный и прогностический, в которых рассматривается постсоветское пространство спустя 20 лет, после распада Советского Союза, анализируется современное состояние государств региона, а также приводятся возможные сценарии развития стран к 2021 г.

Хрестоматия будет представлять интерес для экспертов-международников, госслужащих, аспирантам, студентам и широкой аудитории, интересующейся судьбой постсоветского пространства и перспективами строящегося Евразийского экономического союза.

